

Хранитель

JOKER WOLFGANG

JOKER WOLFGANG

Хранитель

«Автор»

2026

WOLFGANG J.

Хранитель / J. WOLFGANG — «Автор», 2026

Юная студентка, ничем не примечательная девушка, однажды видит необычный сон. Проснувшись, она замечает, что начала меняться.

© WOLFGANG J., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20

JOKER WOLFGANG

Хранитель

Вступление

Тьма, казалось, не имеет границ, и ты не можешь предугадать, где и когда она закончится.

В ней нет ни единого проблеска света, и ты не видишь ничего вокруг.

Это пугает...

Я не знаю, что ждет меня там

Может быть, кто-то ждет меня?

Я хочу выбраться, но как?

Меня словно поглотила эта тьма, и я блуждаю по лабиринту, из которого нет выхода.

Что же такое

"бескрайняя тьма"?

Глава 1

Колокола... Этот низкий, гулкий звон, словно набат, оглушает меня, проникая в самые кости. Пение, подобное удару молота, сотрясает меня. Источник звука остаётся невидимым, но его близость ощущается кожей, как предчувствие чего-то неизбежного. Звон окутывает, пронизывает, а сквозь него, словно невесомый шёпот самой судьбы, доносится еле уловимая мелодия, обещающая развязку. — «Лакримоза»... — произносит тихий голос, испускающая ледяное дыхание, которое касается моих щек, словно поцелуй смерти. Я тщетно пытаюсь отыскать его источник, но вокруг лишь непроглядная тьма, окутывающая меня вселенной холода и всепоглощающего страха. Где я, черт возьми?! Желание спрятаться от этой пустоты становится невыносимым, но укрытия нет — лишь бездна. — «Лакримоза!» — снова этот еле слышимый шёпот, пронзающий насквозь, как острый осколок льда. Боль, безжалостная и всепоглощающая, рвёт мою душу на части, словно дикий зверь. — «Пора пробуждаться,» — уже настойчивее, с ноткой роковой неизбежности, произносит голос, словно приговор. — «Лакримоза!»

Пробуждение вырвало меня из мира снов резкой, болезненной тревогой, будто я падала с огромной высоты. Вскочив с постели, я пыталась унять бешеный ритм сердца, но лишь задыхалась, словно воздух покинул комнату, оставив лишь вакуум. Ледяные пальцы сомкнулись на лице, и я почувствовала, как по щекам текут горячие слезы, раскаляя кожу — парадоксальная реакция на мороз. Взгляд метнулся к окну, но его скрывала плотная, темно-коричневая завеса, словно саван, не пропускающая ни единого лучика света. Казалось, сама тьма поглотила это пространство, превратив его в обитель страха. Отбросив прочь теплое серое одеяло, я почувствовала, как по коже пробежали мурашки от пронизывающего холода, словно я оказалась на Северном полюсе. Я бросилась к окну, с жадностью отдергивая тяжелую ткань, желая увидеть любой проблеск света, любую утешительную искру. И как только первые лучи пробились в комнату, отогнав мрачные тени, меня постепенно стало отпускать. Страх отступал, дыхание выравнивалось, словно вернувшись из долгого путешествия. Остыв и придя в себя, я направилась к светлой двери, ведущей прочь из этой сумрачной обители кошмаров.

Выйдя в залитый светом коридор, я свернула направо и вошла в соседнюю комнату, оказавшуюся ванной. Подойдя к белоснежной ванне, похожей на гигантскую раковину, я включила горячую воду. Пока она набиралась, я сняла розовую пижаму, которая казалась теперь нелепой и детской, и осторожно погрузила сначала одну ногу, потом другую, словно тестируя воду на пригодность для магического ритуала. Полностью окунувшись в тёплую воду, я ощутила небывалое расслабление, словно тело наконец-то сдалось и позволило себе отдохнуть. Прележав так минут десять, словно нимфа в источнике молодости, я выбралась из ванны, вытерла своё худощавое тело белоснежным полотенцем, словно невесомое перышко, и вернулась в комнату. Высушив феном свои длинные, темно-русые волосы, которые рассыпались по плечам, как водопад, я подошла к шкафу, достала серую толстовку и черные джинсы — мой привычный боевой наряд. Одевшись, я вышла из комнаты и направилась к лестнице, словно спускаясь с небес на землю. Спустившись, я оказалась на светлой и просторной кухне, где встретила молодую женщину, излучающую доброту.

— «Милая, доброе утро! Как спалось?» — её голос, подобный нежному шёпоту весеннего ветра, ласково коснулся меня, словно поглаживание. Женщина, чьи глаза светились теплом, словно два маленьких солнца, встретила меня улыбкой, которая могла растопить лед. «Доброе утро, мам, спалось хорошо», — ответила я, тоже улыбнувшись, и присела за большой, залитый утренним светом стол, окрашенный в нежный серо-жемчужный цвет, словно жемчужина, выброшенная на берег. «Сегодня на завтрак блины», — её слова прозвучали как предвкушение

маленького чуда, и вскоре передо мной уже лежала тарелка, дымящаяся золотистыми кругами, похожими на маленькие солнечные диски.

Эта удивительная, добрая женщина – моя мать. Ей тридцать восемь, и зовут её Анна Морте. Стройная, среднего роста, она словно сошла с полотен художника, создавшего идеал женской красоты. Кожа её – чистейший, первый снег, ещё не тронутый следами времени или забот. Короткие волосы, цвета спелой пшеницы, обрамляют лицо, словно солнечные лучи, пойманные в локон. А нежно-розовые губы и карие глаза, глубокие, как лесные озера, завершают её пленительный образ, который мог бы вдохновить поэтов.

Пока я мысленно рисовала портрет матери, тарелка с блинами опустела, словно я была голодной волчицей. Вернувшись в комнату за сумкой, я вновь оказалась на кухне, шепнула маме прощальное «до свидания» и направилась к выходу, словно отважный путешественник, отправляющийся в путь. Надев любимые серые кеды, я шагнула во двор, словно ступа неприимчивый исследователь. Отыскав в сумке проводные белые наушники, похожие на крошечные жемчужины, я вставила их в уши, окунулась в мир музыки и отправилась навстречу новому дню, шагая по широкой улице в сторону колледжа, словно на встречу судьбе.

Пора и мне представиться. Меня зовут Элеонора Морте, мне девятнадцать, и я – обычная студентка, хотя иногда мне кажется, что я — героиня какого-то авантюрного романа. Что я могу рассказать о себе? Пожалуй, лучше всего опишу себя глазами моей лучшей подруги, ведь именно она видит меня той, кем я являюсь на самом деле. Ей нравятся мои тёмно-русые волосы, ниспадающие до пояса, словно водопад, губы, яркие, как спелая клубника, и глаза – два изумруда, мерцающие на фоне моей бледной кожи. Средний рост и худощавое телосложение, из-за которого она вечно бранит меня, заставляя есть больше, сетуя, что может обнять меня целиком, растворившись в моих очертаниях, словно в тумане.

Едва я успела договорить последние слова о себе, как оказалась у дверей колледжа, словно портала в другой мир, а взгляд мой уже выхватывал в толпе знакомый силуэт. Сняв наушники и убрав их в сумку, словно ценный трофей, я едва успела почувствовать легкое прикосновение к плечу, как обернулась.

Передо мной стояла девушка — воплощение юности, с глазами цвета ясного неба и улыбкой, что нежно тронула её розовые губы, словно крыло бабочки. Легкие, словно пух, светлые волосы трепетали на теплом ветру, а струящееся белое платье, расшитое цветами, скрывало изящную фигуру, словно картина художника.

— Привет, Дина! — воскликнула я, бросаясь ей навстречу, словно заблудившаяся птица, нашедшая свою стаю. — Привет, Элеонора! — ответила она, крепко обнимая в ответ, словно я была долгожданным сокровищем.

После короткого, но теплого приветствия, словно краткого перерыва в бурной реке жизни, мы вошли внутрь. У самой двери, словно страж древнего замка, стоял охранник, проверяя пропуск. Мой билет на вход предъявлен, и я прошла дальше, ожидая Дину, словно верный спутник, терпеливо ждущий своего товарища.

Она — тот редкий человек, которому я могу доверить самую сокровенную тайну, зная, что она выслушает без осуждения и обязательно поддержит, словно скала в бушующем море. Именно за эту безграничную преданность я её и люблю. Утренний кошмар, терзавший меня, так и остался в моих мыслях, словно призрак из прошлого. Зная её впечатлительность, я решила не тревожить её этим, словно заботливый садовник, оберегающий нежный цветок. Пока мы шли по залитому светом длинному коридору, словно по галерее произведений искусства, Дина бойко рассказывала о своих утренних сборах, о мучительном выборе наряда, словно модный критик. Она — истинная модница, чуточку неуклюжая, но от этого не менее любимая, словно милый щенок.

По пути к аудитории она живо описывала свои выходные, наполненные яркими событиями и бесконечным весельем, словно рассказчик захватывающей истории. Её жизнь — это

калейдоскоп радости, а сама она — воплощение оптимизма, поэтому рядом с ней всегда легко и светло, словно она сама — лучик солнца. Мы вошли в класс за мгновение до того, как прозвенел звонок, словно успели в последний вагон уходящего поезда. Усевшись за парту у окна, словно наблюдатели за жизнью, мы достали все необходимое для занятия и обратили внимание на преподавателя, словно на главного героя спектакля. Первые десять минут я старательно вслушивалась в его слова, но вскоре скука окутала меня, словно густой туман. Отбросив металлическую серую ручку, словно бесполезный артефакт, я решила, что наблюдать за окружающими гораздо интереснее, ведь человеческие драмы — это лучшее шоу.

Первой моей целью стал сам преподаватель. Его движения были столь же изящны, сколь и резки, словно он исполнял страстное танго перед аудиторией, полную немых свидетелей. Мне стало жаль его стараний, ведь его зрелищем наслаждались едва ли три студента, остальные же, казалось, витали где-то в облаках собственных мыслей, словно потерянные во времени. Вглядевшись внимательнее, я заметила, что его взгляд неизменно устремлен в одну точку — на первую парту, где сидела рыжеволосая девушка. Каждый раз, когда взгляд педагога встречался с ней, она опускала голову, явно смущенная, словно пойманная на месте преступления. Эта негласная игра продолжалась всю пару, словно скрытая любовная драма.

На нашей с Диной линии, чуть поодаль, сидела девушка с темным каре и вызывающим макияжем, словно героиня готической повести. Её взгляд был устремлен в сторону окна, но в действительности она смотрела не на улицу, а на темноволосого парня, который, казалось, совершенно не замечал её, словно он был слеп. Хотя её пристальный взгляд, должно быть, ощущался им, ведь он всякий раз едва заметно вздрагивал, словно его коснулась невидимая рука.

Я взглянула на часы, висевшие над доской, словно далекие звезды на ночном небе. До конца пары оставалось ещё сорок минут — целая вечность. Печально вздохнув, я положила голову на старый, выдававший виды стол, которому, похоже, было не меньше двадцати лет, словно я была уставшей путешественницей, ищущей отдыха.

Пара казалась усыпляющей, словно колыбельная, исполненная для мертвых, и я то и дело отвлекалась, устремляя взгляд в окно, словно искала выход из клетки. Мельком взглянув на Дину, я заметила, что вместо того, чтобы внимать лекции, она увлеченно рисовала в своей тетради, словно настоящий художник, творящий свой шедевр. Улыбнувшись про себя её сосредоточенности, словно матери, наблюдающей за своим ребенком, я вновь обратила взор к окну. Взгляд сразу же упал на детскую площадку, что расположилась неподалеку от колледжа, словно маленький островок радости в океане будней. Наблюдая за резвящимися детьми, словно за маленькими ангелами, я почувствовала лёгкую зависть: они безмятежно наслаждались солнечными лучами, а я, запертая в аудитории, вынуждена слушать скучную лекцию, словно приговоренная к пожизненному заключению. У ворот колледжа толпились студенты, словно муравьи, спешащие по своим делам: кто-то терпеливо ждал друзей, кто-то искал спасения от яркого солнца в тени деревьев. И вот, под самым дальним деревом, мелькнула знакомая тень, словно предвестник чего-то важного. Это было оно — то, что явилось мне во сне, словно призрак из глубины подсознания. Я по-прежнему не видела лица, но безошибочно узнавала присутствие, словно чувствовала его запах.

Дина, заметив моё состояние, встревоженно прошептала: — Что там такое? — и тоже устремила взгляд в указанном мной направлении, словно ища диковинное существо. — Что тебя так поразило? Там ведь ничего нет. — Как ничего? — недоуменно переспросила я, словно у меня выросли еще одни глаза. — Ты не видишь тень за тем деревом? — Нет, — коротко ответила она, словно сбрасывая с себя невидимую паутину.

Эти слова лишь усилили моё смятение, словно я оказалась в лабиринте без выхода. Тень всё ещё стояла там, словно застывшая скульптура, и, казалось, была видна только мне, словно у меня была особая сверхъестественная способность. Погрузившись в свои мысли, словно в

глубокий колодец, я и не заметила лёгкого толчка. Очнувшись, я увидела перед собой изумлённое лицо Дины, словно она увидела привидение.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросила она, словно мать, увидевшая, что её ребенок упал. — Я тебя звала, наверное, раз пять. Ты в порядке? — Да, всё хорошо, — ответила я, пытаюсь скрыть волнение, словно актер, играющий роль безразличия. — Просто задумалась. Пара закончилась, словно долгий спектакль, и, кроме нас с Диной, в аудитории никого не осталось, словно мы последние выжившие после катастрофы. Я поднялась из-за стола, ощущая, как напряжение медленно отступает, словно отступающий прилив.

Вырвавшись на улицу, словно птица из клетки, я устремила к знакомому дереву, но, подойдя ближе, обнаружила, что тени нет, словно она растворилась в воздухе. В голове моментально зародилась жуткая мысль, словно змея, обвинившая мою душу: а не сошла ли я с ума? Если эти странные видения вижу только я, то, возможно, это шизофрения, словно приговор. Попытавшись отогнать наваждение, словно назойливую муху, я двинулась к колледжу. Едва я сделала несколько шагов, как голову пронзила нестерпимая боль, словно удар молнии, и перед глазами замелькали видения, словно кадры из безумного фильма.

Высокая башня, на вершине которой возвышался колокол, словно гигантский глобус. Я внизу, смотрю вверх, чувствуя головокружение. Но видения сменяют друг друга, словно лихорадочные вспышки. Теперь я вижу молодую девушку, удивительно похожую на меня, окруженную розами, словно в райском саду, а в голове раздаются громкие крики, словно тысячи голосов. «Лакримоза»... Я уже слышала это во сне, словно эхо забытой мелодии.

Боль нарастала, грозя лишить меня сознания, словно она хотела поглотить меня целиком. Но так же внезапно, как началась, она прекратилась, словно чудо. Решив вернуться домой, словно уставший солдат, ищущий убежища, я направилась к воротам. Достав телефон из переднего кармана джинсов, словно ценный инструмент, я нашла номер Дины и набрала его. Но не успела я произнести ни слова, как меня обрушил шквал вопросов, словно лавина.

«Элеонора, ты где? Я тебя везде ищу и найти не могу, куда ты пропала?» — встревоженно воскликнула Дина, словно мать, потерявшая свое дитя. «Я на улице, на пары не пойду, чувствую себя плохо, сильно болит голова, я пойду домой», — ответила я, словно сообщая о своем поражении. «Мне с тобой пойти?» — спросила она напоследок, словно предлагая помощь отважному воину. «Нет, я сама дойду», — ответила я и отключила телефон, словно завершив важный разговор.

Дорога домой, казавшаяся привычной пятнадцатиминутной прогулкой, обернулась сюрпризом. Едва переступив порог, я наткнулась на маму.

«Ты сегодня ранняя пташка! Пары отменили?» — её голос, как всегда, был полон любопытства.

«Нет, я сбежала», — я позволила себе лёгкую кривую усмешку, — «Голова разболелась, решила, что дома — лучший доктор. Пойду в комнату, отдохну», — и, не дожидаясь никаких «но» и «почему», я ускользнула.

В комнате сумка отправилась в свободный полёт к изголовью кровати, а я сама, обессиленная, рухнула на мягкое ложе. Повернувшись к окну, мои глаза устремились в бездонную синеву неба. Пять минут медитации на облака — и я, свернувшись калачиком, погрузилась в небытие сна.

Но сон, злодей! Подсунул мне тот же сценарий, что и утром. И снова — ошеломляющий крик, вырвавший меня из объятий Морфея. Я резко села, лихорадочно ища источник света, но наткнулась лишь на бархатную темноту. Взгляд в окно подтвердил: ночь вступила в свои права, глубокая и безмолвная. Нехотя я поднялась, отправившись в ванную. Холодная вода стряхнула остатки сна, но вернувшись в комнату, я, как призрак, принялась переодеваться в пижаму. Снова кровать, но сон ускользал, как дым, оставляя после себя навязчивые отголоски

крика и той крошечной тьмы. Двадцать минут напряжённой борьбы с мыслями — и я, наконец, предалась дремоте.

Рассвет не принёс облегчения. Снова крик, теперь он был ближе, пронзительнее, наполненный таким отчаянием, что сердце сжалось в ледяной комок. Я вскочила, уже предчувствуя, что увижу. Тьма. Только теперь это была не просто пустота — она дышала, враждебная, живая, обволакивая меня. Пульс бился где-то в горле, по спине стекал холодок. Хотела крикнуть в ответ, но из губ вырвался лишь жалкий хрип.

Отбросив одеяло, я ринулась к окну. Но вместо предрассветного неба — чёрный бархат, усыпанный равнодушными звёздами. Луны не было. И откуда-то из глубины этой беззвёздной ночи доносился тот же душераздирающий вопль, становясь всё более реальным, всё более пугающим. Казалось, он звал меня, тянул в свою бездну.

Отшатнувшись от окна, я почувствовала, как стены комнаты медленно сжимаются, поглощая меня. Каждый шорох, каждый скрип половицы — зловещее предзнаменование. Я была не одна. Нечто невидимое наблюдало из углов, из-под кровати, из самой этой тьмы, проникшей из кошмара.

В панике я металась по комнате, ища спасительный выход, хоть крохотный огонёк. Но везде — лишь давящая тьма, сотрясаемая отголосками крика. Я зажала уши, но звук проникал сквозь пальцы, въедаясь в сознание. Это был не сон. Это реальность, ломающая меня.

Вдруг, словно спасение, в комнату вошла мама. Её привычная, чуть недовольная обыденность сменилась тревогой, когда она увидела меня, сжавшуюся на полу в объятиях страха.

«Элеонора! Что с тобой?» — поднимая взгляд к маме, я ощутила, как тьма отступила, но её незримое присутствие осталось, наблюдая. «Как ты себя чувствуешь?» — вопросы лились нескончаемым потоком, и лишь благодаря им паутина ужаса начала рваться.

Когда самообладание вернулось, я встала и направилась в ванную. Чувствуя мамин взгляд, полный беспокойства, я скрылась за дверью.

Ванная, всегда такая светлая, теперь казалась погружённой во мрак. Одиночество накрыло с силой разъярённого быка. Я надеялась, что это лишь мимолётный кошмар, но вторая ночь без сна, и ужас не отступал. Пытаясь вырваться из плена сна, я шагнула под прохладные струи душа, но тело лишь сковал озноб.

Вернувшись в комнату, я обнаружила, что мамы там уже не было. Фен, который я вытащила из шкафа, выдохнул тёплую струю воздуха, а затем и приятное тепло окутало меня. Эта резкая смена температур, словно чудом, изгнала остатки страха. Спустившись на первый этаж, я вошла на кухню. Мама сидела за столом, медленно потягивая остывший кофе.

«Элеонора, с тобой всё в порядке?» — спросила мама, тщетно пытаясь сохранить спокойствие. «Мам, всё хорошо», — я постаралась звучать уверенно, но внутренний страх уже начал зарождаться вновь. «Если бы всё было хорошо, ты бы не была в таком состоянии», — её голос начал повышаться. «Ничего такого, мама. Это был всего лишь кошмар».

Слегка успокоившись, она вздохнула: «Я надеюсь, что с тобой действительно всё в порядке». Подойдя, я тихо обняла её, пытаясь скрыть дрожь. Объятие было коротким. Я вернулась в свою комнату, схватила рюкзак и направилась в колледж. Выскользнув за порог, я снова погрузилась в музыку, воткнув наушники, и зашагала по широкой улице, уходящей вдаль.

Мысль о том, что колледж — рукой подать, всегда приносила радость. Это ощущение близости, предвкушение чего-то нового и неизведанного, наполняло меня энергией. Казалось, вот-вот, и я окажусь в другом мире, полном знаний, интересных людей и возможностей для саморазвития. Представлялись высокие аудитории, гудящие голосами, библиотеки с бесконечными рядами книг, лаборатории, где рождаются открытия.

Едва я подошла к колледжу, как у самого входа увидела Дину. Замерла на мгновение, помахала рукой и бросилась навстречу. Я же, не меняя шага, продолжила идти.

«Как ты? Я тебе вчера писала, а ты так и не ответила», — в её голосе слышалось волнение. «Нормально, прости, что не ответила. Пришла домой — уснула, телефон не проверяла», — я почувствовала укол стыда. «Ладно, главное, что ты пришла. А то мне пришлось бы сидеть на парах одной», — облегчённо выдохнула она.

Я лишь усмехнулась. Каждый раз, встречая Дину, я убеждалась, что она — лучший друг на свете. Её неиссякаемый оптимизм всегда придавал мне сил. И даже сейчас, когда страх сдавливал грудь, он был словно луч солнца во тьме, ведущий меня.

Войдя в здание, мы предъявили пропуска охраннику и прошли дальше. В аудитории нас встретил преподаватель, что-то серьёзно рассказывающий студентам. Подойдя ближе, надеясь развеять туман невежества относительно причины столь раннего начала занятий, мы спросили у однокурсницы — той самой рыжеволосой девушки, на которую всегда с неподдельным вниманием смотрел педагог, ведь она единственная, кто внимал каждому его слову. Узнали, что сегодняшних пар не будет: многим преподавателям требовалась помощь. Когда педагог раздал всем задания, в аудитории остались только мы с Диной.

«Девочки, я вас не заметил», — проговорил преподаватель, поправляя очки в чёрной оправе. Он был молод, но ставший привычным стиль одежды — любимая преподавателями кофта лет пятидесяти и брюки — придавал ему видимое старшинство. «Девочки, вам такое задание: помогите в библиотеке».

Сказав это, он уселся за стол и углубился в бумаги. Переглянувшись с Диной, мы поняли, что больше ничего от него не услышим, и отправились в библиотеку. Едва переступив порог, мы увидели толпу студентов. Минут десять ушло на то, чтобы очередь дошла до нас.

«Девочки, ваше задание: разложите вот эти книги по полкам, а точнее — по алфавиту», — скомандовала библиотекаря, указывая на стопку книг. Взяв свою порцию, мы направились к стеллажам. Меня обрадовало, что Дина оказалась недалеко. Вот только из-за обилия студентов мы почти не слышали друг друга. Решив, что наверстаем упущенное после работы, мы продолжили заниматься.

Пока я раскладывала книги, рядом с ухом прозвучал тихий шёпот: «Лакримоза». Словно кто-то прошептал прямо в слух. Оглядевшись, я никого не заметила и вернулась к делу. Но голос снова стал громче: «Лакримоза». Я изо всех сил старалась не обращать внимания, но с каждым повторением становилось страшнее. Прижавшись к полкам, я простояла так около пяти минут. Когда голос умолк, я, наконец, продолжила раскладывать книги. Однако внезапно острая боль пронзила голову, а перед глазами заплескали видения. Я не смогла удержать книги, и они выпали из рук. Этот шум услышала Дина. Увидев меня, сидящую на полу и схватившуюся за голову, она тут же подбежала.

«Элеонора, что с тобой?» — её голос, однако, не принёс облегчения. Снова как в тумане, и вновь девушка, только теперь я видела больше. Она была облачена в тёмные одежды и стояла возле статуи, поразительно похожей на неё, с грустью глядя на своё изваяние. И словно заметив меня, она произнесла: «Пора пробуждаться». После этих слов боль отступила, и видение рассеялось. Подняв взгляд, я встретилась с глазами Дины. Она смотрела на меня с тревогой. «Что с тобой?» — спросила она. «Не знаю», — призналась я, совершенно растерянная. Меня мучил вопрос: почему кошмар, который снился мне, теперь преследует меня в реальности? Посидев ещё немного на полу, я встала. Заметив рассыпавшиеся книги, я подняла их, расставила по местам и поспешила к выходу из библиотеки. Дина последовала за мной. Я направилась к выходу из колледжа, почти бегом, словно мне не хватало солнечного света. Оказавшись на улице, я посмотрела на небо в ожидании тёплых лучей, но увидела лишь серое, затянутое тучами небо. Дина догнала меня.

«Сегодня будет дождь», — сказала она. Выслушав её, я почувствовала разочарование. Я надеялась, что солнце изгонит страх, но даже оно спряталось. «Элеонора, пойдём в кафе, перекусим», — предложила она. Я согласилась, и мы направились в ближайшую кофейню.

Кафе оказалось небольшим, оформленным в тёплых коричневых тонах. В меню были напитки, различные виды кофе и, конечно же, пирожные. Мы с Диной часто приходили сюда, особенно когда нам становилось грустно. Едва мы вошли, как увидели за барной стойкой нашего знакомого.

«Алекс, привет!» — тут же обратилась к нему Дина, а я лишь кивнула. Дине нравился Алекс, и именно поэтому мы так часто здесь бывали. Дина не особо любила кофе, но готова была пить его, лишь бы увидеть Алекса. У неё выработалась привычка: как только мы заходили в кафе, она сразу шла к кассе, чтобы поболтать с ним. И сегодня не стало исключением. Пока она беседовала, я заняла нам столик. Положив рюкзак на стул, я подошла к Дине.

— Элеонора, что будешь? — Капучино, пожалуйста. — Огонь! А чего-нибудь сладкого, для настроения? — Нет, спасибо, аппетит сбежал. — Понял, принял.

Он ловко взялся за заказ, умудряясь одновременно впитывать Динины откровения. Я же вернулась к столику, предвкушая скорое прибытие напитка. И точно, через каких-то пять минут мое ароматное чудо было готово. Пока я с упоением пила кофе, мысли, как всегда, унеслись в неведомые дали. Тот сон, странные видения... они не давали покоя. Казалось, я проживаю чужие жизни, словно шпион в чужом кино. Размышления прервались, когда чашка опустела. И как раз в этот момент вернулась Дина, так и не сделав заказа, но зато с полным арсеналом новых историй.

— Элеонора, домой! — просияла она. — Идем, конечно.

Направляясь к выходу, я не могла не остановиться у стойки. Во-первых, надо было расплатиться за кофе, а во-вторых, Дина что-то вспомнила и решила поделиться этим откровением. Мы проторчали еще минут десять, хотя кофе давно был оплачен, но у Дины истории были на исходе, как у старого граммофона пластинки.

Выйдя из кафе, мы попали под внезапный, но такой мелодичный, хлынувший с небес дождь.

— Может, ко мне? — предложила Дина, ведь ее дом был ближе. — Нет, спасибо, я домой. Устала. — Но ты же промокнешь до нитки! — попыталась вразумить меня подруга. — Все в порядке, правда. Очень хочу домой. Так что я к себе. — Ну ладно, пока! — сдалась Дина. — Пока! — ответила я, помахав ей рукой. Повернув в сторону дома, я не спешила. Капли дождя, падая на меня, словно успокаивали. Поэтому я решила насладиться этим моментом, этой долгой прогулкой под летним дождем.

Когда я добралась до дома, казалось, из меня можно было выжать целое море. Проскользнув в гостиную, я заглянула на кухню — мамы там не было. В зале ее тоже не оказалось. Пришлось заглянуть в спальню. Она сидела на диване, полностью погруженная в свою любимую передачу. Решив не мучить ее расспросами, я помчалась в свою комнату, переоделась и отправилась в ванную. Жаркий душ вернул мне жизненные силы и согрел до самых костей. Вернувшись в комнату, я схватила фен и принялась за волосы, которые после дождя напоминали мокрые веревки.

Минут через двадцать я была готова погрузиться в объятия Морфея. Едва укрывшись одеялом, я взглянула в окно. Там, над темным небом, одиноко сияла луна. После кошмара мне было страшно задергивать занавеску. Но пролежав так минут пять, я поняла, что привычка спать с закрытой занавеской сильнее страха. Я встала, подошла к окну, решительно закрыла его и снова залезла в постель. Сон пришел где-то через пятнадцать минут. Последнее, что я услышала, был тихий скрип двери и мамин голос: — Элеонора, спишь? Она постояла в дверном проеме секунд десять, наблюдая за мной, затем тихонько закрыла дверь и удалилась. И только после этого я окончательно растворилась в мире грез.

Глава 2

Лакримоза, время пробуждаться."

Заученный шёпот, как ласковое прикосновение, вырвал меня из объятий сна. Глаза распахнулись, и я плавно опустилась на кровати. Лёгкая улыбка коснулась губ, укрощая ещё не оформившиеся мысли. "Вот бы кто-нибудь увидел меня сейчас – лишь спокойное, невозмутимое лицо. Им и в голову не придёт, какая буря рвёт меня изнутри. И самое дикое – боль эта вовсе не имеет ко мне никакого отношения!" С каждой ночью, с каждым шёпотом этого голоса, я всё глубже погружаюсь в бездну — схожу с ума. Бездонная тьма ночи обволакивает, затягивая всё сильнее, и страх берёт в плен – страх не проснуться.

Этот голос... снова и снова. И этот липкий, всепоглощающий ужас. Сон повторяется каждую ночь, как заезженная пластинка, с той же фразой, что режет слух. Одно только слово, а в нём – бездна скорби! Каждое пробуждение после него – как выброс на студёный берег, а щёки неизменно влажны от непролитых слёз. Прошла неделя с той первой, зловещей ночи, и вот он – понедельник. Новая неделя, а сон всё так же безжалостно терзает, не оставляя шансов. Каждый день был пыткой. Головные боли, навязчивые видения, пляшущие в сознании – вот и всё, что осталось от этой бесконечной недели.

Я отбросила одеяло, ощущая тепло нагретых простыней, и бросилась к окну. Раздвинув плотные шторы, я впустила робкие лучи утреннего солнца, словно выпрашивая у них спасительное забвение.

«Лакримоза...» «Я что, сплю?» – мелькнула первая мысль. Только во сне я могу по-настоящему окунуться в эту палитру эмоций, в эту бездну отчаяния, исходящих от того женского голоса. Эта тень, её облик, иногда просачивалась и в реальность, но всегда безмолвно. Просто стояла поодаль, пристально вперила в меня взгляд, словно чего-то выжидая.

— «Лакримоза», — голос прозвучал совсем близко, будто кто-то дышал мне в затылок. Оглядевшись, я уловила странное движение в зеркале напротив кровати. Медленно подойдя к зеркалу в резной деревянной оправе, я увидела её. Пусть черты лица были скрыты, но я знала – она смотрит на меня. По телу пробежали мурашки, подтверждая нарастающую жуть. Тень протянула мне руку. О, как же мне отчаянно захотелось прикоснуться к ней, взять её за эту хрупкую ладонь. В тот же миг, когда наши пальцы сомкнулись, тьма, струящаяся от неё, начала проникать в меня. Она была подобна клубящемуся дыму, в котором, казалось, застыла сама вечность. И чем больше эта тьма впитывалась в меня, тем громче раздавались голоса в голове. Я чувствовала, как тело моё слабеет, уступая место какой-то неведомой, чужой силе.

Я окончательно погрузилась в беспамятство, и последнее, что мелькнуло перед глазами – её исчезновение. Очнувшись я от голосов мамы и Дины. Они нашли меня посреди комнаты, словно тряпичную куклу, лежащую без сил. Голова раскалывалась, а перед глазами всё ещё плясали мистические тени. Мама, вся в слезах, причитала надо мной, а Дина, обычно такая бойкая, стояла рядом, бледная, как привидение, и потрясённая. Они помогли мне встать и усадили на кровать.

«Элеонора, что с тобой?» — Дина обеспокоенно заглянула мне в лицо. Мама молча наблюдала, но в её глазах, я видела – плескалось беспокойство. «Ничего, просто устала», — пробормотала я, не в силах признаться, что потеряла сознание от одного лишь образа девушки из зеркала, что преследует меня в каждом кошмаре. «Может, стоит показаться врачу?» — предложила мама, с тревогой сжимая губы. «Нет», — ответила я, — «я просто хочу отдохнуть». Признаться честно, усталости не было. Было лишь странное ощущение перемены внутри, словно что-то новое, неведомое, зародилось во мне.

Они вышли, смиростивившись над моей просьбой. Едва хлопнула дверь, как я рухнула на кровать. Пять долгих минут я пролежала неподвижно, прежде чем снова встать и отправиться на кухню. За столом сидели мама и Дина, за чашкой чая погруженные в оживлённую беседу.

— Ты сегодня не идёшь в колледж, — решительно изрекла мама. — Почему? — вырвалось у меня, почти с возмущением. — Я не хочу, чтобы ты пугала студентов, и не хочу, чтобы ты снова отключилась где-нибудь там, — её голос звучал строго, но в нём чувствовалась забота. — Ничего не случится, я чувствую себя хорошо. Могу идти. К тому же, Дина будет со мной. Правда ведь? — обратилась я к подруге, ища поддержки. — Да, конечно, — уверенно ответила Дина, улыбнувшись мне. — Я буду рядом и присмотрю за ней. — Ладно, — вздохнула мама, сдаваясь, — но будьте осторожны, пожалуйста.

С Диной, моей неутомимой спутницей, мы выпорхнули из моего уютного мирка и отправились покорять бурлящий студенческий океан – колледж. Навстречу нам двигался поток людей, словно река, несущая свои воды, и я ловила обрывки их разговоров, как редкие жемчужины. Но вот что странно: стоило мне метнуть взгляд, и в глаза бросались одни и те же сжатые, как будто высеченные из камня, губы. "Наверное, все о чем-то задумались", – отмела я странное наблюдение и снова нырнула в водоворот Дининых болтовни, которая, казалось, могла завести любой разговор в самые неожиданные дебри.

Уже пройдя внутрь, в стены колледжа, где воздух вибрировал от нескончаемой энергии, Дина не сбавляла обороты, сыпля рассказами обо всем на свете, от причудливых фасонов одежды до последних сплетен. Я же, сейчас я точно могу сказать, что была в своих мыслях где-то далеко, потому что смотрела себе под ноги, как пойманная птичка, и вполуха ловила ее слова. И вдруг – бац! – полная тишина. Резкая, неестественная, как будто кто-то выключил звук в комнате. Я подняла взгляд на Дину, и картина, которая открылась передо мной, заставила меня замереть. Туда, куда устремился ее взгляд, шел он – Марк. Красавец, капитан баскетбольной команды, чье имя, казалось, было выгравировано на каждом углу кампуса. О нем я знала... ну, пожалуй, больше, чем о себе самой, ведь Дина, фанатка баскетбола и знаток всех звезд команды, просто извергала истории о нем, как вулкан извергает лаву. Дина стояла, будто приговоренная к суду, застывшая в ожидании неминуемого. А я... Мне было абсолютно все равно. Он мне никогда не нравился, вот уж точно! Вечной паутиной высокомерия опутан.

Его исполинский рост выхватывал его из толпы еще издали, словно маяк во время бури. Светлые пряди, предательски ниспадая на лоб, почти сливались с глазами — серыми, если верить чуткому уху Дины. Черная толстовка с капюшоном, украшенная дерзким принтом волка, эффектно подчеркивала мощь накачанных плеч, а узкие черные джинсы облегали длинные ноги, будто созданные для покорения вершин.

— Девочки, привет! — прозвучал его голос, и на губах расцвела такая лучезарная улыбка, что казалось, даже солнце выглянуло из-за туч.

— Привет! — выдохнула Дина, тая медленнее, чем пломбир в жаркий день.

Я лишь молчаливо кивнула, оставаясь на чеку, готовая влиться в схватку, если она вдруг завяжется, и прикрыть подругу.

— Ты сегодня просто неотразима, Дина, — промурлыкал Марк, и в его глазах плясали огоньки. — Я бы и сама поверила в эту сладкую ложь, если бы не услышала затаенное: «Боже, как всегда нелепо выглядит, никакого чувства стиля, зачем я вообще ей комплимент делаю?»

Услышав это, я уже готова была извергнуть праведный гнев, но тут заметила кое-что поинтереснее: его губы оставались неподвижными, а голос звучал... изнутри? Это было бы смешно, если бы не стало так жутко. А потом, словно из засады, раздалось новое: «Элеонора, ты, как всегда, великолепна». И снова — ни единого движения губ.

Я уже начала подозревать, что мой мозг дал сбой, и скоро отправлюсь бродить по грешным улицам психиатрии, когда в голове зародились новые голоса. С каждым мгновением их становилось все больше, и слова звучали все ядовитее, словно просачиваясь из самых темных уголков чужих душ – грязные мысли, тайные желания, пошлые фантазии... Они нарастали, как лавина, а людей вокруг становилось все больше. Я не выдержала. Схватив Дину за руку, я решительно потащила ее в класс, подальше от этого хора безумия.

К счастью, наш класс оказался почти пустынным. Усевшись за парту, я почувствовала, как с плеч упало невидимое бремя – назойливый внутренний голос, наконец, притих. Но абсолютной тишины так и не случилось. Дина, вся полная беспокойства, уже открыла рот, готовая излить поток вопросов, как вдруг оглушительный звонок резанул по ушам, и в кабинет, словно вихрь, ворвался педагог.

Удалось мне, правда, поймать нить урока лишь на считанные минуты, а потом на меня накатила волна всепоглощающей скуки. Я предалась её течению, пустившись в созерцание своих собратьев по несчастью. Взгляд мой зацепился за девушку – настоящую фурию с макияжем, словно нарисованным в аду. И тут, о чудо! – в моей голове зазвучал её собственный голос: «Боже, какой же он... Хочу его! Сейчас же!» Я проследила за направлением её взгляда. Ага! Тот самый красавчик с копной тёмных волос, от которого, кажется, сходили с ума все вокруг. Стоило мне на него взглянуть, как его внутренний монолог, словно по заказу, зазвучал и для меня: «Опять пялится. Пусть пялится почаще, мне нравится!» Ошарашенная, я моргнула и перевела взгляд на преподавателя. Он, оказывается, восхищённо взирал на первую парту. И тут в моей черепной коробке эхом разнеслись его слова: «Ах, какая красавица! Если бы не этот дурацкий статус преподавателя и студентки, я бы уже шантажировал её свиданием!» А когда я, наконец, смогла сосредоточиться на той самой девушке, то услышала её заветное: «Вы такой... такой! Моя!»

Ошарашенно я уставилась в окно, где небо, затянутое свинцовой пеленой, грозило ненастьем. Бушевал ветер, словно взбешенный титан, срывая с гнезд птиц, обрекая их на метания в серой вышине. Они, жалкие клочья, подхваченные невидимой силой, бились о порывы, тщетно пытаясь найти приют. Тяжелые, угловатые вороны, крича, боролись с ветром, стремясь к скрюченным скелетам кленов у старой водонапорной башни. А мелкие воробьи, эти юркие паникёры, ныряли в чердачные провалы и под карнизы, словно ища убежища в норках, где их суетливая жизнь оставалась скрытой от глаз. Небо, низкое и плотное, словно акустическая панель, пожирало все звуки, оставляя лишь пронзительный свист в стыках рам и навязчивый шелест прошлогодней листвы, пляшущей на асфальте.

Я вспомнила, как в детстве такие дни называла «птичьими». В них не было ярких красок, зато была эта напряженная, пульсирующая жизнь, кипящая в воздухе. Каждое движение пернатых было исполнено ясного, первобытного смысла — выжить, укрыться, переждать. Эта отточенная тысячелетиями простота цели завораживала и успокаивала. Мои же мысли, которые я весь день тщетно пыталась уложить в стройный порядок, металась, словно стайки неприкаянных мотыльков, не находящие себе пристанища.

За окном, словно выбившись из стройных рядов своих пернатых собратьев, устроилась на голом проводе одинокая ворона. Застыла, как высеченная из самой ночи, лишь изредка поворачивая голову. Чёрным, дерзким росчерком на фоне беспросветного, туманного солнца. Эта птичья безмятежность в разыгравшейся стихии казалась настоящим вызовом! Не просто передышка перед бурей, а торжествующее наблюдение, глубинное понимание, недоступное моему человеческому взору. Ветер, злой парикмахер, трепал её вороний «гарнитур», но она лишь втягивала голову в плечи, будто говоря: «Мой дом – моя крепость, и даже гроза мне нипочем!» – и крепче стискивала тонкую проволоку своими когтистыми «руками».

Постепенно, словно растворяясь в волшебном зелье, отдельные птицы исчезли из виду. Они попросту утонули в мареве свинцовых сумерек и в мутной вуали дождя, который, нако-

нец, решился забарабанить по стеклу – сначала робко, потом всё увереннее, тяжёлыми, как слёзы, каплями. Небо превратилось в одно сплошное, влажное полотно, а мир за окном – в безрадостный аквариум, выдержанный в серо-жемчужных тонах. Но даже в этом сыром, промозгом царстве, казалось, жизнь продолжала свою упрямую, неспешную, но такую важную работу. И в этом тленном, но упрямом существовании таился такой странный, такой завораживающий порядок, которому я, признаюсь, невольно завидовала.

Утомлённая, я склонила голову на руки и погрузилась в дрему. И вот, в самом сердце сна, предо мной предстала дева, усевшаяся на влажную землю. Каскад её смоляных, русых волос, словно живой поток, ласкал почву, а подол белоснежного, как первый снег, платья трепетал в неугомонных порывах ветра. Взгляд мой метнулся прочь, выхватывая исполинские стены мрачного, серого замка, что зловеще возвышался вдалеке. Вокруг – ни души. Только всепоглощающая тишина и едва уловимые, сдавленные всхлипывания той, что сидела у моих ног. Сердце моё забилося быстрее, я ринулась вперёд, желая узнать причину её скорби, но каждый мой шаг казался неуклюжим танцем. И тут, словно по волшебству, её бледное, хрупкое тело озарилось неземным, ослепительным сиянием. Свет, набирая мощь, поглощал её очертания, словно размывая краски на холсте. Я неистово бросилась к ней, но, едва оторвавшись от земли, услышала её отчаянный, полный боли крик, что пронзил тишину, как молния: «Проклятье мёртвых роз!»

Резкий крик вырвал меня из объятий Морфея. Приоткрыв глаза, я увидела, что студенческая толпа уже готовится к эвакуации. Дина, видно, решила продолжить свой сладкий сон, прикорнув прямо на учебниках. Пришлось легонько потрянуть ее за плечо – уж слишком безмятежно она сопела. Сонная Дина, моргнув, поплелась за мной в коридор. Там студенты, словно испуганные школьники, пулей разлетались по другим аудиториям. Ну что ж, мы им не конкуренты – тоже двинулись дальше. Следующий акт нашей образовательной драмы развернется на втором этаже.

Поднявшись по узкой, словно затянувшаяся лекция, серой лестнице, мы нырнули в очередной кабинет. Группа наша, как по стойке смирно, сидела в торжественном молчании, ожидая начала. К моему искреннему облегчению, никто даже не обернулся. Мы с Диной, словно две тихие мышки, заняли свои места, слившись с общим, полным нетерпения, затишьем.

Английский! Звучит скучно? Как бы не так! Наша преподавательница, настоящая гроза студентов, впорхнула в аудиторию, как грозовая туча в летний день. Строгий костюм – юбка-карандаш, будто выточенная скульптором, и белоснежная блузка, сияющая как первый снег – мгновенно погрузил нас в атмосферу деловой напряженности. Никаких сантиментов: сухое "здравствуйте" – и вот уже тестовая работа разлетается по партам, как снежный ком.

Я – молниеносная, как гепард, пронеслась по вопросам, а вот Дина... Дина, словно мудрая черепаха, постепенно склонилась над заданиями, размышляя над каждым словечком. Время – наш друг, и я, как тайный агент, шепнула ей на ушко пару заветных ответов.

После этого триумфа над тестом, мы нырнули в пучину новой темы. Дина, верная своим привычкам (читай: нелюбовь к английскому), вновь погрузилась в сладкую дрему, оперев голову на руки. А я, подобно истинному ценителю знаний, внимала каждому слову нашего мудрого педагога.

И вот, финальный аккорд пары: студенты, как обезумевшие от свободы пчелы, начали собирать свои сокровища. Я, словно бывалый дрессировщик, разбудила спящую красавицу. Дина, в лучших традициях сонного царства, была не в восторге от такого раннего пробуждения – она мечтала о продолжении своего сладкого сна. Но я, словно фея-крёстная, взмахнула волшебной палочкой, предложив ей не что иное, как поход в кафе. И вот тут-то началось настоящее представление: Дина, словно ракета, стартовала к двери, оставив позади всякое недовольство!

Десять минут — и волшебный мир кафе распахнул перед нами свои объятия! Каждый раз, переступая порог, я словно погружалась в обволакивающую симфонию аромата свежесваренного кофе — это был мой личный парфюм для души. Интерьер, выдержанный в нежных бежевых и шоколадных тонах, дышал уютом и теплом, словно объятия старого друга. Как только дверь за нами лениво закрылась, Дина, с присущей ей энергией, направилась к кассе, чтобы устроить Алексу настоящий "приветственный фурор".

У прилавка, словно арт-объект, возвышалась касса из темного шоколадного дерева, а рядом — витрина с десертами, каждое творение которой выглядело как произведение кондитерского искусства. Глаз радовался, а желудок подпевал в унисон, требуя немедленной дегустации. Алекс, с обаятельной улыбкой и в фирменном бежевом фартуке с надписью «Надежда» (видимо, главный источник этой надежды в мире десертов!), уже встречал нас.

«Но постойте!» — воскликнете вы. — «Разве она не таяла от одного вида Марка? Как же так?» О, это отдельная история, полная драматизма и... баскетбола! Дело в том, что моя дорогая Дина — это воплощение общительности и страсти к баскетболу. До колледжа она была настоящей звездой школьных площадок, а теперь, видимо, забивает голы в сердце Алекса. Я же — полная её противоположность: тихая гавань, предпочитающая наблюдать за бурными течениями жизни со стороны. Мы — как два полюса, но именно в этом и вся прелесть!

Бросив очередной мимолетный взгляд на Алекса, я лишь едва заметно кивнула и, словно тень, скользнула к столику неподалеку. Сумка, как верный спутник, заняла свое место, а я, подавшись притяжению, направилась к ним, не в силах больше сопротивляться.

— Привет, Элеонора. Какую сказку твоей душе сегодня подать? — прозвучал голос Алекса, словно мелодия. — Как обычно, мой любимый капучино, — ответила я, чувствуя, как щеки слегка заливаются румянцем. — Может, к этому божественному напитку добавить что-то из наших сладких чудес? — снова спросил он, с хитринкой в глазах. — Ах, нет, спасибо, Алекс. Сегодня только чистое наслаждение кофе, — отказалась я, наслаждаясь каждым мгновением этой легкой игры. — Хорошо, ваша императорская особа. Несу ваш эликсир! — заявил он с легким поклоном, а я снова невольно улыбнулась.

Я лишь кивнула, возвращаясь к столику. Кофе принесли быстро, всего через каких-то пять минут. И, словно по волшебству, я снова пила его, погруженная в свои мысли, пока Дина вещала Алексу о чем-то захватывающем.

Меня окунули воспоминания о сне, который прервал лекцию. Кто она, эта загадочная девушка, и почему ее образ так навязчиво преследовал меня? Взор мой, устремленный куда-то вдаль, прервал мужчину, бесцеремонно усевшийся напротив. Заметив мою настороженность, он тут же выпалил:

— Привет! Не против, если я составлю тебе компанию за чашечкой кофе? Все столики, видишь ли, оккупированы.

Я обвела зал взглядом, полный скепсиса, и насчитала дюжину свободных мест. «Но тут полно свободных столиков», — парировала я, хитро улыбнувшись.

— Ты мне очень понравилась, — признался он, не смущаясь, — а подойти напрямую никак не решался. Вот и пришлось придумать первое, что пришло в голову.

— Остроумно, — только и смогла вымолвить я, теперь уже с интересом разглядывая незнакомца.

Он был в безупречном черном смокинге, который, казалось, был сшит специально для него. Густые темные волосы были уложены с такой элегантностью, что хотелось восхищаться. А карие глаза... в них была глубина целого океана, манящая и притягательная.

— Как вас зовут, юная леди? — поинтересовался он, его голос бархатом окутал меня.

— Элеонора, — ответила я, чувствуя, как щеки заливают румянец.

— Красивое имя. А меня зовут...

— Привет, Джеймс! Вот так встреча! — внезапно раздался голос Алекса, прерывая интригу. — Давно не виделись!

Джеймс поднялся, протягивая руку Алексу.

— Какими судьбами в Нью-Йорке? Ты же вроде как улетал в Лондон? — поинтересовался Алекс.

— Да, только сегодня прилетел. Решил заскочить к тебе на кофе, но увидел прекрасную девушку и не удержался, — подмигнул Джеймс, бросив на меня многозначительный взгляд. Я ощутила, как смущение усиливается.

— Ого, да ты у нас мастер пикапа! — рассмеялся Алекс. — Весьма согласен с тобой. Элеонора и правда красавица. Тебе как обычно?

— Да, спасибо, — Джеймс снова уселся, и его взгляд поймал мой, обещая продолжение этой неожиданной и столь интригующей истории.

Полчаса пролетели как один миг, наполненные щебетом обо всем на свете! Едва мы успели сделать первый глоток божественного кофе, как его, будто по волшебству, принес улыбчивый Алекс. Оказалось, что отец Джеймса — настоящий магнат, владелец огромной развлекательной империи, который готовит сына, словно драгоценный бриллиант, к коронации в мире бизнеса, отправляя учиться в сам Лондон! Время с ним текло настолько стремительно и увлекательно, что я и не заметила, как снаружи сгустились сумерки, окутав город бархатным одеялом.

Наш сказочный разговор прервал звонкий голос Дины, которая, словно фея-крестная, напомнила, что пора возвращаться в свои уютные замки. Я, конечно, тут же согласилась, но Джеймс, словно заправский рыцарь, предложил обменяться волшебными артефактами — телефонами! После небольшого, но милого замешательства, я, конечно же, согласилась.

Прощаясь с Джеймсом (и чувствуя легкое трепетание в груди!), я подошла к кассе, чтобы расплатиться за наш божественный нектар. Но тут меня ждал приятный сюрприз: Алекс с лукавой улыбкой сообщил, что Джеймс уже взял всю оплату на себя! Смущенно улыбнувшись ему в ответ, мы с Диной, полные впечатлений, выпорхнули из кафе. Наши пути разошлись, как две веселые речушки: ей — налево, мне — направо. Мы обнялись на прощание, пообещав друг другу новые приключения, и разбежались по домам, унося в сердце тепло и предвкушение чего-то особенного.

Дом встретил меня умиротворением. Сразу же — воображаемая галочка напротив пункта "Сообщение Дине: я дома", и тут же ответ, что она тоже добралась. Сбросив кеды, словно ненужные оковы, я понеслась в гостиную, но, увы, мама там не материализовалась. С новым энтузиазмом я двинулась на кухню, где и обнаружила её — кулинарную фею, колдующую над ужином под аккомпанемент какого-то фильма на планшете. "Приветик!" — прозвучало, и я, махнув рукой, направилась в свою обитель. Там, облачившись в уютную пижаму, я ринулась в объятия душа, чтобы смыть с себя дневную суету. Освеженная, я вновь оказалась на кухне — и о чудо! Ужин уже ждет, благоухая и маня. После сытного пиршества и душевной беседы с мамой, я совершила стратегическое отступление: сначала в ванную, затем — в свою комнату. Запрыгнув под одеяло, я уже предвкушала сладкие сны, как вдруг телефон ожил, возвестив о приходе сообщения. На экране — Джеймс.

— Привет. Спишь?

— Привет. Нет, — ответила я, уже предвкушая, что будет дальше.

— Ты занята на выходных? — его вопрос заставил мое сердце подпрыгнуть.

— Не знаю, скорее всего нет, а что такое? — спросила я, пытаюсь скрыть волнение.

— Хотел бы пригласить тебя на прогулку. Ты же не против? — его голос звучал так заманчиво.

— Нет, не против. Я только буду рада куда-нибудь выбраться, — выпалила я, едва сдерживая улыбку.

— Прекрасно. Тогда ближе к выходным я напишу, где мы будем гулять.

— Хорошо.

— Спокойной ночи, красавица.

— Спокойной ночи.

Телефон погас, а я еще двадцать минут растворялась в этой блаженной улыбке, которая, кажется, поселилась на моем лице на весь остаток дня. Прямо крылья за спиной выросли, а сердце порхало, словно пойманная птица! Уснула я, обняв подушку-ангела, и прошептала ей на ушко: "Пожалуйста, сегодня без монстров из шкафа и прочих страшилок. Только радуги, единороги и, может быть, небольшой торт!"

Глава 3

Этот сон — наваждение, вновь и вновь терзающее меня! Вот она, та юная леди, что является мне из глубин подсознания, вся в белом, словно ангел, но нежный шелк платья ее украшен узорами, отливающими расплавленным золотом. Ее тихий, почти неощутимый всхлип — настоящая игла, пронзающая бархатную тишину ночи! И странное дело: как будто её жизнь, разломленная пополам, отзывается во мне бурей эмоций, я сам словно испытываю её боль, её страдания, будто это моё личное горе! Я-то знаю, чем закончится это головокружительное сновидение, так что, черт возьми, не буду ждать, пока всё произойдет само собой! Время оглядеться и, возможно, найти выход из этого лабиринта снов!

Передо мной расстилались ступени, словно артерии, ведущие к мраморному полу, залитому лунным светом. Но какой лунный свет! Он лишь подчеркивал глубокие, израненные трещинами, словно поле битвы после грандиозной схватки, борозды на камне. Величественные колонны, высеченные из того же мрамора, обступали нас, словно стражи древних тайн. За ними, будто занавес, раскинулась поляна, опоясанная кольцом векового леса.

Обернувшись, я узрела вдали... О, это было зрелище! Восхитительный белый замок, сотканный из света и грёз, словно мираж, возникший из ниоткуда. Непреодолимое желание приблизиться к тебе, юная незнакомка, охватило меня. Но тут, тонкое, едва слышное "Ла́кримоза" остановило меня, словно рука невидимого дирижера. Я повернулась, но там — лишь пустота.

Сделав шаг навстречу, я услышала "Ла́кримоза" вновь, на этот раз более настойчиво, почти требовательно. Я снова огляделась — вокруг лишь пустота, звенящая от тишины. И тут, прислушавшись, я поняла: этот звук исходил от тебя! Когда я подошла совсем близко, снова прозвучало "Ла́кримоза". И тогда меня осенило: это не ты произнесла это слово.

Отведя взгляд от твоего худощавого тела, я устремилась вглубь, туда, где поляна растворялась в зелени лесной чащи, словно погружаясь в объятия неведомого. Там, среди этого великолепия, возвышалась башня, такая высокая, что терялась в бездонном небе. Она была сложена из камня сумрачного оттенка, обвитая могучими лианами, словно облаченная в доспехи тысячелетней истории — настоящий титан времени! Башня была далека, но я разглядела огромный колокол на ее вершине, предвещающий нечто... неведомое.

Глядя на нее, я чувствовала, как невидимая нить, сотканная из магии и судьбы, связывает меня с этим древним стражем. И вдруг! Резкий, пронзительный звон колокола заставил меня рухнуть на колени. Острая боль пронзила грудь, словно стрела, и твой крик, полный отчаяния и ярости, "Проклятье мёртвых роз!" вырвал меня из плена этих чарующих, но опасных видений.

Тело, будто чужое, опустилось на край кровати, и дыхание забилося в горле, как пойманная птица. Комната утонула в кромешной тьме, просачивающейся сквозь щели оконных рам, словно чернила, растекающиеся по холсту. И эта мгла, окутавшая снаружи, проникала внутрь, обрастая моим страхом, становясь частью меня. Мысли ещё не успели построиться в стройный ряд, когда тихий, завораживающий шёпот заполнил пространство. Он шептал тайны, открывал секреты, будто возвращая меня к самому началу, ибо мои внутренние метаморфозы, как оказалось, тоже начались с причудливого, тревожного сна. Грудь сдавило стальным обручем, глаза наполнились непрошенными слезами, а в голове роились рои вопросов, будто пчёлы. Взгляд на часы, застывшие циферблатом на тумбочке, показал половину восьмого. Пара на десять, и сон, похоже, решил больше не искушать меня своими объятиями.

Вскочив, я почувствовала, как резкий холод комнаты впился в кожу, заставив вздрогнуть. Это жгучее пробуждение, наконец, помогло собрать мысли в кулак. Я подошла к окну, решительно отодвинула плотную, бархатную штору, в надежде вырвать у солнца хоть крохот-

ный лучик. Тщетно. За стеклом простиралось угрюмое, серое небо, обещавшее новый, столь же хмурый день.

Освежающий душ смыл остатки ночных кошмаров, и я, словно обновленная, поспешила на кухню, где уже сидела моя дорогая мамочка. Её глаза заблестели. — Доброе утро, дорогая! Как спалось? — Доброе утро, мам! Отлично, — соврала я, потому что страх и боль, эти незванные гости, никуда не делись, они лишь глубже укоренились в душе. Словно проглотив завтрак, я пулей вернулась в комнату, сбросила халат, уже предвкушая триумфальное облачение в спортивный костюм, и выпорхнула за порог. Утренний воздух, свежий и терпкий, ласкал разгоряченную кожу, словно живительный бальзам после душной комнаты, так долго хранившей тени моих страхов.

Пробежусь под свинцовыми тучами, но эта небесная хмурица не пробирала до костей, а скорее, ласково укладывала спать. Люди, будто по команде, рванули в свои теплые норки, проигнорировав не самое жизнерадостное приглашение природы. Серое одеяло над головой так и кричало: "Скоро будет ливень!", и легкий холодок пробежал по спине — вот же незадача, зонта-то с собой нет! Благо, времени — вагон. Я неторопливо зашагала в сторону парка — моего личного оазиса, где каждое утро заряжалась вселенским спокойствием. И тут, будто насмехаясь, из распахнутой двери крохотного кафе вырвался такой умопомрачительный аромат свежей выпечки, что ноги сами замедлили ход. Круассаны, наверняка, тают во рту, как снежинки на языке! Но я быстро одернула свои гастрономические порывы: сегодня мой выбор — чистая нирвана, а не утренняя суета с сахарной пудрой.

Парк встретил меня симфонией птичьих трелей. Они сливались в такой восхитительный хор, что казалось, сама природа решила сыграть мне серенаду. Я выбрала свою любимую скамейку под раскидистым дубом, позволила его прохладной тени окутать меня и вдохнула полной грудью эту утреннюю свежесть. Впереди — целый день, полный приключений и открытий, но сейчас, в этот самый миг, я просто наслаждалась тишиной и буйством пробуждающейся жизни.

Минут через сорок, глянув на часы, я обнаружила, что стрелки уже показывают половину десятого. Пора! В колледж. На пути заскочила в знакомое кафе за бодрящей порцией кофе. Его аромат, свежесваренный и такой пьянящий, щекотал ноздри, смешиваясь с волшебным танцем запахов выпечки из приоткрытой двери. Внутри царил утренний вальс: студенты, подхватывая свои учебники, спешили на пары, офисные работники, схватившись за стаканчики, ныряли в городскую суету, а парочки, растворившись в неспешном завтраке, наслаждались моментом. Выпорхнув из этого ароматного вихря, я уверенным шагом направилась напрямик в колледж.

Дорога, длиной всего в пятнадцать минут, оказалась настоящим эликсиром для души! Осенний ветерок, словно опытный стилист, мгновенно стряхнул с моего лица остатки чарующей дремы, подаренной мне тем божественным напитком — горячим шоколадом. Воздух, густой и пропитанный ароматами мокрой листвы, намекал на скорую смену декораций — грядущие холода, но это лишь добавляло пикантности моменту. Улицы, ещё недавно бурлившие дневной суетой, теперь затихли, уступив место редким, спешащим теням, которые, однако, создавали этот самый неповторимый городской гул — такую приятную симфонию.

Мои шаги по мощёной дорожке замедлились, словно само время решило сыграть со мной в игру, растягивая этот драгоценный миг. Сердце же, наоборот, пустилось вскачь, предвкушая встречу, за которой скрывалась целая бездна — история, сотканная из дней ожидания и ночей, полных самых смелых мечтаний.

И вот, словно луч света в сумерках, из полумрака вынырнул её силуэт — такой знакомый, такой родной, что я почувствовала себя потерянным кораблем, наконец-то увидевшим свой маяк, указывающий путь в тихую гавань. Она тоже меня заметила! В её глазах, даже на таком расстоянии, я прочла всё то же нетерпение, ту же радость, что переполняли меня. Лёгкая

улыбка коснулась её губ, её взгляд, полный всепоглощающей теплоты, развеял в одно мгновение последние отголоски тревоги, что так долго сверлили мою душу.

Я ускорила шаг, неудержимо стремясь к ней, к своему спасательному кругу в этом бурлящем житейском море. С каждым шагом я приближалась к её объятиям, к её тонкому аромату, к той незыблемой крепости, которую я находила лишь рядом с ней.

Когда я наконец оказалась в её объятиях, это было как возвращение домой. Все печали и тревоги дня просто растворились, испарились без следа. Я вжалась в её грудь, вдыхая этот родной, успокаивающий запах, и почувствовала, как душа моя наливается лёгкостью и безмятежностью. Это было то самое место, где я могла быть собой, без масок и притворства.

После коротких, но таких искренних объятий, мы бодро направились к цели. Пропуск, взмах руки, и вот уже доброжелательный вздох охранника распахнул перед нами двери в новый этап нашего приключения.

Первая пара оказалась на втором этаже, и мы с Диной тут же рванули туда, словно наперегонки с ветром. Коридор встретил нас зловещей пустотой и злющей прохладой, но, признаюсь, меня это даже радовало. Прощай, шумная студенческая толпа с их бесконечными историями из жизни! Шагнув в аудиторию, мы обнаружили, что она, о чудо, пуста! Вот это поворот! Как всегда, мы оккупировали последние парты у окна, словно два маленьких короля своих владений. Дина, как заправский болтун, тут же начала травить байки – обычно это были приключения утренних сборов и мелкие, но такие милые разногласия с её Алексом.

Наша дружба – это вам не какая-то там "два дня знакомы", мы закадычные подруги ещё со времён, когда парты были выше нас. И до сих пор мы не можем друг без друга, как Печенька без молочка! Каждый раз этот факт, как свежий глоток воздуха, подтверждает: Дина – это тот человек, который всегда подставит плечо (иногда даже в прямом смысле) и примет меня со всеми моими тараканами. И, конечно же, мои чувства к ней – это не просто симпатия, это целая буря эмоций! Я её просто обожаю и каждый раз жду наших встреч с нетерпением, как ребёнок подарков на Новый Год.

А потом началось самое интересное. Пока мы там сидели, впитывая (или пытаюсь впитать) мудрость лекции, я вдруг почувствовала, как внутри меня что-то переворачивается. Мысли, эти тайные, шепотные мысли, вдруг ожили, завели свой хоровод и начали звенеть в голове, как стайка разозлённых пчёл. Но это ещё цветочки! Ягодки начались, когда я посмотрела на свои руки. Я в шоке! От них исходил мрак, клубясь, как дым из трубы старой бабки, только этот дым был таким... тёмным! Таким, как я видела во сне, тем самым, что окутывал загадочную девушку. Я аж подпрыгнула, схватившись за лицо. Узоры на руках, которые раньше были мне как родные, вдруг стали чужими, словно принадлежали кому-то другому. Они наполнились какой-то неведомой, жуткой силой и пульсировали, как живые, источая холод, от которого мурашки бежали по спине, словно стадо зайцев.

Лекция, ещё секунду назад казавшаяся самой важной вещью на свете, теперь стала такой же неинтересной, как новости про погоду. На её место в моей голове вклинилась эта новая, пугающая реальность. Я осторожно сжала кулаки, пытаюсь унять дрожь, которая, казалось, хотела вырваться из меня наружу. Дым тем временем становился всё гуще, обвивая мои пальцы, словно живая змея. Во сне эта девушка была полностью окутана им, её глаза горели в этом мраке, как два уголька. Была ли она реальной? Была ли это я? Или я – это она? Вопросы, эти назойливые, противные вопросы, роились в моей голове, не давая покоя, разрывая душу на части, как голодный волк.

Внезапно, словно молния, пронзила меня невиданная доселе сила. Она родилась в моих руках, как дракон, вырывающийся из лабиринта вен, и разлилась по всему телу, заставляя сердце стучать в неистовом ритме. Мрак, что раньше был моим трепетным спутником, теперь стал частью меня, неотъемлемой, могучей, как сам космос. Это было не просто прикосновение, о нет! Это было слияние, поглощение, танец двух душ в вихре неведомых энергий. Я подняла

взгляд, лихорадочно ища в гуще лиц хоть одну знакомую искру, но все вокруг казались тенями, ожившими картинками из старой книги. Лишь этот дым, струившийся из моих ладоней, дышал реальностью, вибрировал жизнью. В его причудливых клубках я видела отблески чего-то древнего, чего-то, что спало во мне, погруженное в вечный сон. И вот, этот сон кончился.

Моё бурное волнение, конечно же, не ускользнуло от острого взгляда Дины. Она тихонько, так, чтобы никто не услышал, наклонилась ко мне: — Элеонора, милая, всё в порядке? — Да-да, всё прекрасно! — вырвалось у меня, словно я пыталась прикрыть внезапно распахнувшуюся дверь. Не хотела ведь я, чтобы Дина волновалась, а мои слова были маленькой, невинной ложью. Хотя, признаюсь, врать — это, знаете ли, такое себе удовольствие, особенно тому, кто тебе верит и доверяет, как последней инстанции. Но что-то внутри меня кричало, что это может быть опасно для неё, моей дорогой Дины! Я смотрела на её встревоженное лицо, и сердце моё сжималось, как кулачок, от невыносимой боли. Как же хотелось рассказать ей всё, выплеснуть этот фейерверк чувств, что бушует в моей душе! Но слова, словно пленники, застревают в горле, отказываясь вырываться на свободу. Я боялась, что она не поймёт, испугается, а может, и вовсе осудит. Тишина повисла между нами, тяжелая, как камень, и Дина, почувствовав мою колебимую неуверенность, мягко взяла меня за руку. «Элеонора, ты же знаешь, что можешь мне доверять. Если что-то не так, скажи. Вместе мы справимся». Её слова были как прохладный ветерок в жаркий день, но одновременно и усиливали моё чувство вины, словно я только что украла последнее печенье из вазы. И снова, я солгала, отмахнувшись её искренней заботой, как назойливой мухой.

Мои ощущения набирали плотность, становясь почти осязаемыми, а тьма внутри меня росла, как злобный сорняк, готовый вырваться на волю. Я чувствовала, как она рвется наружу, словно вот-вот грянет ураган, или, того хуже, назревающий взрыв, способный разнести всё к чертям! Вскинув руку, словно дирижер, готовящийся начать симфонию хаоса, я вырвалась, не дав тому несчастному преподавателю произнести и звука, и пулей, да какой там пулей — ракетой! — вылетела из класса. Где искать укрытие от самой себя? Мысли метались, как испуганные мотыльки в темноте, но ноги уже несли меня, словно одержимые, по этому бесконечному, как вереница скучных лекций, коридору. К выходу! К спасительной улице! О, как же время растянулось, словно жвачка, пока я неслась мимо застывших картин скуки, но вот, наконец, и она — желанная, спасительная улица! Не теряя ни секунды, я ринулась напрямик в парк. А что, там, в это время, как известно каждому школьному партизану, всегда безлюдно. Идеальное место, чтобы переждать бурю, или, может быть, спланировать новый побег из этой академической тюрьмы!

Добравшись до парка, я растворилась среди деревьев, словно тень, и рухнула на колени. Дыхание вырывалось из легких, судорожное, но не от усталости. Неистовая тьма, что доселе бушевала в моей груди, наконец-то обрела свободу, и я, растеряв всякий контроль, выпустила ее наружу. Она хлынула из меня вместе с криком — пронзительным, всепоглощающим, эхом отразившимся от каждой живой души вокруг. Когда силы иссякли, я, обессиленная, упала на землю, задыхаясь. Прележав так несколько мгновений, словно извлекая из себя бурю, я поднялась и побрела к дому.

Едва выйдя из зеленых объятий парка, я почувствовала, как мой телефон ожил в кармане джинс, вибрируя, как взволнованный голубь. На экране красовалось имя Дины. Ответив на звонок, я тут же окунулась в водоворот ее вопросов: — Элеонора, ты где, куда пропала, что с тобой? — голос Дины звучал так, будто она только что пробежала марафон. — Всё хорошо. Я, знаешь ли, просто наслаждалась тишиной леса... ну, и немного кричала. Теперь направляюсь к дому, — проворковала я в ответ, стараясь звучать максимально непринужденно. — Ого! Только не говори, что ты там единорогов видела! — подхватила Дина. — Может, тогда в кафе, чтобы поделиться впечатлениями? Я помедлила мгновение, представляя, как буду объяснять ей, что стало причиной моей "лесной репетиции", но затем улыбнулась: — Знаешь, это отлич-

ная идея! Буду через десять минут. — Отлично, я уже предвкушаю твой рассказ! — бодро ответила Дина, и ее голос, полный ожидания, донесся из трубки, когда она, удовлетворенная, отключилась.

Как только Дина отключилась, ноги сами понесли меня в сторону нашего любимого кафе, этого уютного уголка, притаившегося всего в пятнадцати минутах неспешной прогулки от парка. Предвкушение встречи так зажигательно вибрировало в каждом моём шаге, что к моменту, когда я переступила порог, казалось, я уже парила. Не успела я толком осмотреться, как Дина, словно выпущенная из катапульты ракета, врезалась в меня с такими страстными объятиями, что моя любимая заколка едва не отправилась в полёт!

«Ты долго, — приземлилась она, встречая меня с ноткой обиды в голосе. — Я уж думала, ты решила устроить мне проверку на прочность и передумала».

«Что ты, подруга! Я же сказала, что приду. Ну вот, я здесь», — ответила я, одарив её самой лучезарной улыбкой, на которую была способна.

Сразу после нашего бурного примирения я направилась напрямик к сердцу кафе – стойке бариста.

«Привет, Алекс! Можно мне, пожалуйста, божественный капучино и какой-нибудь вкуснейший круассанчик?» — обратилась я к нашему любимому мастеру кофейных дел.

«Привет, чемпионка по пунктуальности! Какой круассанчик будет тебе сегодня по душе?» — Алекс поднял на меня взгляд, полный фирменного обаяния.

«А какие сокровища у вас есть в ассортименте?»

«О, у нас целый парад вкусов: шоколадный, клубничный, вишнёвый... настоящий калейдоскоп!»

«Тогда мне, пожалуйста, шоколадный, — выбрала я. — Пусть будет самым-самым шоколадным!»

«Отлично, сделаю его с особой любовью и принесу, как только он созреет для подачи», — Алекс улыбнулся и приступил к колдовству над моим напитком.

Едва я оформила свой заказик, как тут же юркнула к столику, где уже восседала Дина. Её плечи так печально поникли, а вокруг неё словно сгустился туман вселенской скорби. Едва я приземлилась напротив, как встревоженно выпалила:

— Дина, дорогая, всё в порядке? Ты выглядишь так, будто сегодня утром пыталась побороться с мировым злом и проиграла. Что случилось?

— Я так волнуюсь, — прошептала она, словно боясь нарушить хрупкое равновесие мира, опуская глаза. — Мы с Алексом так знатно поссорились из-за моей дурацкой, идиотской ревности. Ненавижу себя за эту вспышку! Он просто подошёл к очередной покупательнице, которая пришла за кофе, а я тут же расцвела, как вулкан извергающий лаву. И знаешь... я тоже чувствую, что с тобой что-то не так. Что-то тебя тревожит, но я никак не могу ухватить эту невидимую ниточку.

«Со мной всё прекрасно, не стоит так переживать за мою скромную персону», — попыталась я успокоить Дину. Но слова звучали так неубедительно, что даже мне самой стало смешно.

«Ладно, извини, что сижу тут перед тобой и устраиваю потоп», — проронила она, и слезы хлынули с новой, ещё более мощной силой. Я тут же перебралась к ней на диванчик, обняла крепко-крепко. «Ну ты чего? Всё хорошо. Мы же подруги, и быть слабыми друг перед другом — это не ошибка, а наоборот, показатель силы! Ты веришь мне, и я верю тебе. Хочется плакать — плачь, реви, выпускай пар! Я здесь, рядом». Дина прижалась ко мне, всё ещё всхлипывая, как маленький потерявшийся котёнок. Я лишь обнимала её, поглаживая по плечу, словно пытаюсь перенять всю её боль.

В этот момент я почувствовала на себе взгляд Алекса. Он волновался, словно сам хотел подлететь и утешить её. Но стоило ему сделать шаг в нашу сторону, как тут же появлялись новые покупатели, словно призраки, призванные его остановить. С досадой, но он вновь и

вновь принимал их заказы. Его желание подойти к Дине становилось все сильнее, почти осязаемым. Он не показывал этого открыто, но я... я изменилась. Мой внутренний мир преобразился, и теперь я видела всё – его тайны, его мысли, его скрытые желания. Тьма, что теперь обитала во мне, раскрывала истинную, невидимую сущность людей.

Я поднялась с диванчика, и, словно хищница, решительно направилась к Алексу. Пройдя за кассу, я произнесла, голосом, полным стальной уверенности: «Иди к ней. Я тебя заменю». Он удивлённо посмотрел на меня, словно увидев призрак.

«Ты справишься?» — спросил он, с нескрываемым сомнением.

«Конечно! Я же уже тебя заменяла, помнишь? Всё будет прекрасно, не волнуйся. Ты ей сейчас просто необходим, как и она тебе. Просто иди к ней. Решай свои сердечные дела!»

На его лице расцвела огромная, сияющая улыбка. Он мгновенно скинул фартук, словно это была какая-то ненужная броня, и тут же бросился к Дине. Обнял её, и она, как будто найдя потерянный якорь, мгновенно прижалась к нему. Я смотрела на них, и в груди разливалось невероятное тепло, я улыбалась, радуясь, что мои друзья снова обрели друг друга. Я взяла ситуацию под полный контроль. Обслужила всех клиентов, да ещё и с таким артистизмом, что сама собой гордилась. Алекс время от времени бросал на меня испытующие взгляды, словно проверяя, не развалюсь ли я под натиском. Но я лишь ободряюще кивала, давая понять, что всё под контролем. Он отвечал тем же, снова полностью поглощённый своей Диной, а я – своим новым, удивительным миром.

Так прошел час. Народу было — не протолкнуться, но я справлялась на «ура», брызгая гордостью как шампанским. Когда поток покупателей наконец иссяк, и я убедилась, что касса в безопасности, я выудила телефон, чтобы проверить время и жизненные показатели в виде уведомлений. На экране гордо значилось 15:55. Взглянув на пугающее отсутствие новых сообщений, я сморщилась, как от зубной боли, но тут мое внимание приковал низкий, бархатный голос: «Привет, Элеонора». Подняв голову, я чуть не выронила смартфон. Передо мной стоял Джеймс. С тех пор как мы флиртовали (ну, или просто болтали) в кафе, прошла неделя. Мы не виделись, но виртуально не разлей вода. «Я хотел позвать тебя сегодня на свидание с городом, но, как выяснилось, ты тут за главного», — сказал он с такой грустью, будто у него только что отобрали мороженое, кинув взгляд в сторону Алекса и Дины. «Да. Я его заменяю по-дружески, решила подставить плечо», — пояснила я. «Хм... А я хочу попробовать свои силы в общепите», — выдал он и, сорвавшись с места, уверенным шагом направился за кассу. Снял пиджак, словно супергерой перед боем, и накинул фартук поверх своей белоснежной рубашки. Я замерла в изумлении, но перечить не стала. Казалось, удача сама шла в руки. И правда, стоило ему встать за стойку с такой улыбкой, что у клиенток подкашивались ноги, как очередь выросла вдвое!

Когда последний (надеюсь) посетитель покинул кафе, я рухнула на стул у кассы, обессиленная, как марафонец на финише. Тело мелко дрожало от холода, пробирающего до самого нутра. Несмотря на то, что я носилась по залу, словно разъяренный рой пчел, дверь неустанно распаивалась, впуская порывы ледяного ветра. Я уже мечтала встать и сотворить себе кофейного эликсира, как вдруг почувствовала, как меня окутывает мягкое тепло джентльменского пиджака. Обернувшись, я увидела Джеймса. Он лишь подмигнул и, бросив, что сделает мне двойной эспрессо, направился к кофемашине. Сердце моё ёкнуло и побежало маршем — он заметил, как я превратилась в сосульку!

Горячий, дымящийся напиток материализовался передо мной быстрее, чем заказываешь доставку. Взяв чашку, я с блаженством отпила, и тепло тут же разлилось по венам, заставляя губы расплыться в улыбке. «Спасибо», — прошептала я, чувствуя себя героиней романтической комедии. Он лишь кивнул и уже умчался к следующему клиенту, который, казалось, появлялся из воздуха.

Так пролетели ещё несколько часов. В конце концов, рабочий день подошёл к концу, и я вывалилась из кафе, чувствуя себя так, будто меня выпустили из увлекательной, но утомительной тюрьмы. За время моего заточения успел пройти дождь, и воздух был напоен его свежим, бодрящим ароматом. Я замерла у входа, делая глотки этой чистоты. Внезапно меня окликнул Алекс. «Эй, Элеонора!» — прозвучал его голос. — «Джеймс, спасибо тебе огромное, что заметил её и не дал ей умереть от скуки. Я тебе прямо в неоплатном долгу», — добавил он искренне. Я лишь кивнула, сил говорить уже не оставалось, только бы до дивана доползти. Джеймс подошёл, пожал мне руку и что-то сказал, но я пропустила мимо ушей, потерявшись в тумане усталости. Алекс и Дина, взявшись за руки и светясь друг для друга ярче неоновой вывески, пошли домой. Я мысленно аплодировала их идеальной картинке. Я улавливала их мысли — они транслировали любовь так громко, что, казалось, слышно даже без моих способностей. Я уже собиралась идти домой, как почувствовала, что меня взяли за руку. Это был Джеймс. «Не против, если я тебя провожу? А то вдруг по дороге нападут коварные тротуары», — спросил он с озорными искрами в глазах. Я лишь кивнула, давая понять, что абсолютно, категорически и бесповоротно не против.

Мы шли в тишине, и его рука по-прежнему согревала мою. Я попыталась уловить его мысли, надеясь подслушать что-то интересное, но в ответ была лишь звенящая пустота. Сердце чуть не ёкнуло — неужели мой внутренний радиоприемник сломался? Но стоило мне взглянуть на других прохожих, как я тут же погрузилась в какофонию их внутренних диалогов. Мне стало дико любопытно, почему он — глухая зона. Я решилась спросить, о чём он думает, но в ответ получила шквал эмоций... — Я влюблен! — в его глазах заблестели слезы, и он выглядел так, будто собирался объявить о конце света. — В одну юную, невероятную девушку. Но ужасно боюсь, что она пошлет меня куда подальше, прямо в кусты. — Но как же ты узнаешь, взаимно ли это, если не признаешься? — выдохнула я, пытаюсь развеять его сомнения и одновременно гадая, кто эта счастливица. Он замер, словно спохватившись, и решительно повернулся ко мне, заключив мои руки в свои, словно запечатывая сделку. — Тогда... Элеонора, — его голос зазвучал торжественно, как набат, — эта девушка — ты! Я хочу, чтобы ты стала моей. Что скажешь, не разбивая мне сердце? Его взгляд, полный трепетной надежды, пронзил меня насквозь. Я стояла, словно громом пораженная, перебирая в голове слова, но они разбегались, как тараканы при свете. Чувств к нему у меня, откровенно говоря, не было, но черт возьми, с ним было так чертовски весело и легко! "Слушай," — начала я, но слова застряли в горле, словно пробка из неловкости. — "Я, э-э... никаких романтических фейерверков в твою честь пока не запускала. Честно, мне совсем не хочется тебя ранить. Но... знаешь, с тобой мне дико хорошо! И я очень надеюсь, что мы сможем остаться друзьями, а то и лучше — кем захочешь!" Глаза метнулись в сторону, щеки предательски запылали. Я лишь мечтала, чтобы он не воспринял мои слова как приговор. Он молча кивнул, и, к моему удивлению, не отнял руку. Его пальцы всё ещё крепко сжимали мои, словно якорь спасательного круга, пока мы не дошагали до моего подъезда.

Когда мы стояли напротив дома, я так и застыла, не в силах оторвать свою ладошку от его. Его пальцы, словно солнечные лучи, пронизывали меня теплом и безмятежностью, унося прочь все тревоги. Но вот он сам разжал мою руку, и мечта тут же утонула в легкой грусти. Только я собралась сделать шаг к порогу, как вдруг — раз! — и я оказалась в плену тех самых, таких желанных, тёплых и нежных объятий. — Пожалуйста, Элеонора, подумай над моими словами... — шепнул он, и в его голосе звенела такая искренность, что моё сердце затрепетало, как крылья у мотылька. — Это мои самые истинные чувства, без фальши. Я лишь кивнула, словно соломенная кукла, и осталась стоять столбом, пока он не скрылся за поворотом. Шагнув домой, я сбросила оковы уличной обуви и направилась на кухню. Там, под ярким светом, меня тут же встретила мама, словно гвардеец на посту. «Ты голодна, как волк?» — спросила она, уже направляясь к плите, чтобы сотворить пищевой шедевр. «Не, спасибо, мам, я наелась у Алекса

в кафе, меня там чуть не откормили», — ответила я, собираясь ретироваться в свою комнату-крепость. Но тут мама, включив свой «детектор сплетен», задала роковой вопрос: «Элеонора, а кто проводил тебя до дома? Не какой-нибудь сомнительный тип?» «Это Джеймс, друг Алекса, очень приличный парень», — выпалила я, надеясь, что допрос окончен. «Хорошо», — отозвалась мама, погасив свет на кухне, словно опуская театральный занавес, и отправилась в гостиную к своему любимому кино. Я же продолжила путь в свою личную вселенную.

Кинув рюкзак, словно рюкзак с камнями, рядом с кроватью, я уже собралась принять освежающий душ, когда мой телефон решил устроить мне сюрприз, пикинув уведомлением. Это оказалось сообщение от Джеймса: — *Элеонора, прошу, подумай над моими словами. Спокойной ночи, пусть приснятся прекрасные сны. А я буду грезить о тебе.* Из всего текста меня отогрели лишь слова о прекрасных снах. Ведь в последнее время мои сновидения отнюдь не баловали красотой. Ответив ему лаконичным «Спокойной ночи, тебе тоже», я поспешила в душ, смывая с себя усталость.

Свежая и пахнущая шампунем, я устремилась в кровать. Забираясь под одеяло, я вновь погрузилась в размышления о словах Джеймса. Чувств к нему у меня не было, но и отказывать ему, причиняя боль, я не желала — я не монстр. Прочсть его мысли я не могла — эта сила, что была мне дана, будто издевалась, не работала на нем. И я не понимала почему. Я даже не знала, откуда исходит эта тьма, но жаждала, чтобы мое умение управлять ею работало безотказно, как швейцарские часы. Собравшись с духом, я вытянула руки вперед, над подушкой, и сосредоточилась. Я представила, как тьма, что раньше стучалась в моих руках, вновь обретает форму. Чтобы воображение работало лучше, я закрыла глаза и положила на свои ощущения. Сначала — тишина и пшик, но вскоре в руках появилось осязаемое движение. Я открыла глаза и увидела маленький комок темной энергии. Он словно играл в моих руках, переливаясь, как ртуть. Мне стало жутко интересно, смогу ли я им управлять. Отведя левую руку, я направила ладонь правой вперед, представляя, будто отпускаю эту энергию в полет. И тут же комок с визгом отлетел к стене, но его сила оказалась намного мощнее, чем я ожидала. От удара раздался такой громкий бабах, что мог бы разбудить не только маму, но и всех соседей на этаже. Но, затаив дыхание и подождав минут пять, я поняла, что домашние не услышали — либо мама спит как убитая, либо у нас звукоизоляция космос. Выбравшись из кровати, я подошла к стене и увидела на ней черный след. Внутри меня боролись страх и пьянящее любопытство.

Встав посередине комнаты, я представила, как вся эта тьма окружает меня, а энергия, словно щит космического корабля, начинает вращаться вокруг, не позволяя ничему подобраться ко мне. Я протянула руку и ощутила эту тьму. Она была подобна густому дыму, оставшемуся после сигареты, или утреннему туману, рассеивающемуся на заре. Легкая, невесомая, но в то же время плотная. Я сжала руку сильнее, и эта энергия послушно двинулась в ту сторону, куда я ее направила, словно преданный пес. Мне нравилось, что тьма подчиняется мне, а не я ей. Мои игры с магией продолжались до самого утра. Я остановилась лишь тогда, когда первые солнечные лучи, заглянувшие в окно, не позволили тьме существовать. Расстроенная тем, что пора останавливаться, я вернулась в кровать. Меня переполняла радость — я научилась хоть немного контролировать эту мощь. Я засыпала с надеждой, что завтра тьма не решит устроить мне грандиозный розыгрыш, и моя магия не выйдет из-под контроля, пока я буду считать овец.